

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (3)

2013

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдигов

доктор исторических наук Ю.А. Зеленева

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2013

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2013

© Редколлегия журнала «Поволжская археология», 2013

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E. P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A. E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V. M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologic.pro>

© Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 2013

© Mari State University, 2013

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Editorial Board of Journal, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Никитин В.В. Памяти Друга7
Калинина И.В. Слово о Рустеме Султановиче Габяшеве15

Статьи

Лычагина Е.Л. Роль Р.С. Габяшева в изучении
неолита Волго-Камья17
Никитин В.В. Неолитизация лесного Волго-Камья22
Вискалин А.В. О преемственности каменного инвентаря
позднемезолитического и раннеолитического
населения Нижнего Прикамья32
Березина Н.С. О гребенчатых комплексах неолита
Чувашского Поволжья41
Ставицкий В.В. Дискуссионные вопросы изучения памятников
ямочно-гребенчатой керамики Среднего Поволжья52
Васильева И.Н., Выборнов А.А. О неолитической гончарной
технологии Нижнего Прикамья и времени распространения
древнейших керамических традиций60
Королев А.И. Некоторые аспекты изучения самарской культуры87
Сидоров В.В. Специфика каменной техники волосовской культуры96
Штилов А.В. Хронологические комплексы
XX Кузькинской стоянки в Нижнем Прикамье113
Косменко М.Г. Принадлежность и функции
каменных сооружений в Карельском Поморье126
Черных Е.М. Позднеананьинское святилище
на Зуевключевском I городище (Нижнее Прикамье)153
Фонякова (Чувило) Н.А. К семантике Шиловских пластин166
Данич А.В. Поясные накладки Питерского
(Степаново Плотбище) могильника181
Смагулов Е.А. Исследования древнего Туркестана:
итоги раскопок 2011–2012 гг.197
Бугарчёв А.И., Петров П.Н. Этапы медного
монетного обращения в Булгарском вилайате
(вторая половина XIII – первая треть XIV вв.)216

Хроника

<i>Хузин Ф.Ш., Владимиров Г., Ситдиков А.Г.</i> IV Международный Болгарский форум «Истоки, историческое развитие и культурное наследие Болгарской цивилизации» (Варна, Болгария, 22–25 октября 2012 г.)	232
<i>Абдуллин Х.М., Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш.</i> К юбилею Г.И. Дроздовой	237
<i>Садугина Н.П.</i> К юбилею И.Н. Васильевой	240
Список сокращений	244
Правила для авторов	246

CONTENTS

Nikitin V.V. To the memory of friend7
Kalinina I.V. A word about Rustem Sultanovich Gabyashev15

Articles

Lychagina E.L. The role of the R. Gabyzshev
to study Neolithic Volga-Kama region17
Nikitin V.V. Neolithization of forest Volga-Kama region22
Viskalin A.V. Stonetools continuity of late Mesolithic
and early Neolithic population of the Lover Kama region32
Berezina N.S. On the Neolithic comb-ornamented ware assemblages
of Chuvash Volga area41
Stavitsky V.V. Discussion of the study of the monuments
Middle Volgas comb-ceramics52
Vasilyeva I.N., Vybornov A.A. About Neolithic pottery technology
in the Lower Kama Region and the time
of ancient ceramic traditions expansion60
Korolev A.I. Some aspects of Samara culture investigation87
Sidorov V.V. Specificity of stone technology Volosovo culture96
Shipilov A.V. Chronological complexes of XXth Kuzkinsky stand
in the Bottom Prikamye113
Kosmenko M.G. Belonging and functions of stone constructions
in Karelian maritime area126
Chernych E.M. Sanctuary on the Zuevoklychevskoe I settlement
of the late Ananyino the Lover Kama Region153
Fonyakova (Chuvilo) N.A. To the semantics of plates
from the village of Shilovka166
Danich A.V. Flange sheets of Peter burial ground
(Stepanov's rafting ground)181
Smagulov E.A. Archaeological studies of the ancient Turkestan:
results of 2011–2012197
Bugarchev A.I., Petrov P.N. Stages of copper coin circulation in Bulgar willayat
(the second half of the XIII – the first third of the XIVth cc.)216

Chronicle

<i>Khuzin F.Sh., Vladimirov G., Sitdikov A.G.</i> IV International Bulgar forum «Origins, historical development and cultural heritage of Bulgarian Civilization» (Varna, Bulgaria, 22–25 October 2012)	232
<i>Abdullin Kh.M., Sitdikov A.G., Khuzin F.Sh.</i> On the anniversary of G.I. Drozdova	237
<i>Salugina N.P.</i> On the anniversary of I.N. Vasilyeva	240
List of abbreviations	244
Rules for authors	246

СПЕЦИФИКА КАМЕННОЙ ТЕХНИКИ ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2013 г. В.В. Сидоров

Представлены результаты исследования летнего поселения волосовской культуры Маслово Болото 4 (III тыс. BC), расположенного на торфянике на р. Клязьма и раскопанного в 1972–1982 гг. Монокультурный характер памятника дал возможность определить специфику каменной техники волосовской культуры по сравнению как с синхронной льяловской культурой, так и с предшествующими неолитическими. На стоянке Маслово Болото 4 на протяжении веков существовали мастерские, где делались рубящие орудия. Материалом служили желваки местного кремня. Обработка велась с применением кремневых ретушеров и завершалась деревянными посредниками. Разнообразие типов связано со специализацией орудий. Характерные для волосовской культуры формы – трапецевидные скребки с острым лезвием, часть со шлифовкой и зубчатые; ножи из плоских отщепов с пологой ретушью; сверла с втянутым рабочим концом, часто с резцовыми сколами. В качестве сверл нередко использовались наконечники стрел. Большая часть скребков использовалась для изготовления лодок. Наконечники стрел и копий не отличаются от неолитических, но среди них выделяются изделия тонкой работы. Присутствуют изделия («отщепы с пуговкой», фигурные кремни), которые могли иметь ритуальное значение. Основные отличия каменной техники волосовской культуры от неолитических касаются рабочих инструментов и технологий.

Ключевые слова: археология, Волго-Окское междуречье, энеолит, волосовская культура, обработка кремня, каменные орудия.

Каменная техника как совокупность приемов работы специфична для каждой археологической культуры, поскольку является отражением традиционных рабочих навыков и представлений о «правильных» – для данной культуры – формах орудий и способах их использования. Но исследователи, уделяя основное внимание керамике, редко фиксируют отдельные детали каменного инструментария, и, как правило, не проводят его покультурного разделения на смешанных памятниках. Получается, что этот круг источников характеризует эпоху, а не конкретный этнос с его культурой. При этом необходимо учитывать, что керамические традиции и традиции обработки камня отражают две весьма различных субкультуры – женскую и мужскую, и характер цир-

куляции в обществе этих субкультур не обязан совпадать.

Достоверно каменная техника конкретной культуры может быть охарактеризована на чистых комплексах. Исследование волосовского памятника стоянки Маслово Болото 4, не содержащего неолитической примеси, позволило провести размежевание льяловской и волосовской техники. Получив такой эталон, мы можем далее сопоставлять с ним смешанные материалы, выделяя из них компонент, специфичный для исследуемой культуры. Оказалось, что набор навыков обработки позволял волосовским мастерам преодолевать различия в качестве сырья, которое весьма разнообразно в пределах Волго-Окского междуречья. Привыкания к определенному сорту кремня не возникало.

Есть районы, где не встречается высококачественный кремь (бассейн р. Дубны, озера группы Неро-Плещеево, Центральная Мещера). Узнаваемые волосовские типы орудий получались и из зернистого (окристаллизованного) галечного кремня, хотя и импорт кремня из коренных месторождений тут был налажен.

Необходимо отметить, что в волосовскую культурную общность, существовавшую на протяжении III тыс. до н.э., оказались объединены общности, контактировавшие друг с другом, но имеющие разное происхождение. Эпонимный памятник – Волосовская стоянка (Цветкова, 1988) – относится к волго-окской волосовской культуре, возникшей в результате миграции с запада, из озерного края Великого Водораздела в истоках Днепра, Даугавы, Волхова и Волги (Сидоров, Энгватова, 1996). Группы с льяловской керамикой были включены далеко не во все локальные варианты волосовской культуры. Знакомство с коллекциями показало, что восточная граница этой общности находится в районе устья Оки. Далее к востоку марийские волосовские памятники (а также бассейнов Ветлуги, Мокши и Суры) сформировались в результате миграции с востока. За протоволосовские памятники тут можно принять содержащие керамику красномостовского типа (Никитин, 1996) При этом льяловские (балахнинские) группы участия в формировании марийской волосовской культуры, вопреки мнению В.П. Третьякова (Третьяков, 1990) и В.В. Никитина, не принимали. Льяловцы (балахнинский вариант?) исчезают с р. Суры за два-три века до появления красномостовской керамики (Кондратьев, 2011). Этот интервал

заполняется присутствием хвалыньских комплексов, зафиксированных на Средней Сура.

Контакты между двумя волосовскими культурами – волго-окской и марийской – существовали: единичные волосовские орудия попадают в составе марийских и сурских комплексов, а в керамике есть сосуды с рамчатым штампом и некоторыми другими специфическими признаками, но их мало. В то же время и на окских волосовских стоянках есть сосуды с наплывом с внутренней стороны венчика и с шагающей гребенкой – специфическими средневожскими признаками (2–3%). Необходимо отметить, что характеристика волго-окской волосовской керамики, выполненная И.К. Цветковой (Цветкова, 1953) по поздним комплексам и частично повторенная Д.А. Крайновым (Крайнов, 1989) очень далека от реальности. Г-образные и Т-образные венчики, крупный гребенчатый штамп, шнур начинают встречаться только на самых поздних поселениях и, как и плоское дно, вовсе не типичны для этой культуры.

Маслово Болото – обширный торфяник, длиной более 20 км в западной Мещере на второй террасе р. Клязьмы. Между размытыми моренами московского ледника сохранялось озеро, распадавшееся на несколько плесов. Периферийные плесы заболотились и в волосовское время уже не были доступны на лодке. Стоянки волосовской культуры концентрируются только в центральной части торфяника, где озеро оставалось доступным. Они возникали на островах – остатках моренного рельефа, и на этих же островах бывали стоянки и верхневолжской и льяловской культур. Раскопки

проведены мною в 1972–1983 гг. на пяти поселениях этой культуры, общей площадью около 2000 кв. м при весьма значительной насыщенности слоев. Исследованы жилища волосовской культуры, врезанные в культурный слой, и материал в них сильно смешан. Но Маслово Болото 4 не имеет неолитического слоя. Это летнее поселение, располагалось на заторфованном лугу, и здесь слой не нарушали перекопами. Не все участки его были заняты одновременно. Мощностность слоя на мысовой части достигала 95 см, на периферии – 25–30 см. Оно было исследовано почти полностью – раскопки 1972–1982 гг. общей площадью 628 кв. м. Слой формировался за счет накопления торфа, кухонных куч, кремневых мастерских, но более всего за счет песчаных «подушек» – очажных насыпей, которые сооружались на настилах из горбылей. Множество разновременных наземных жилищ наслаивались друг на друга и проследить отдельное жилище нет возможности. О летнем характере поселения говорит также обилие поплавок, рыбьей чешуи.

Поселение возникло на торфянистом берегу, когда около 5000 л.н. сюда пришла группа, пользовавшаяся керамикой, характерной для бассейна Верхнего Днепра. Они отнесены А.М. Микляевым и А.Н. Мазуркевичем к руднянской культуре (Микляев, 1994), но ее можно рассматривать как вариант валдайской культуры. Об этом свидетельствует существенная примесь верхнеднепровской «лапчатой» керамики (4 сосуда из 14, происходящие из нижнего слоя). Этот термин применяется к оттискам штампа из тонкого шнура, намотанного на тонкую палочку и оттиснутого углом.

И.К. Цветкова включала ее в материал третьего этапа рязанской культуры, возникший после волосовского (Цветкова, 1970). Б.А. Фоломеев включил такую керамику вместе с поздней волосовской в дубровическую культуру (Фоломеев, 1975). В остальных сосудах можно узнать руднянскую и валдайскую гребенчатую керамику. В дальнейшем волосовская культура Маслово болота оказывается интегрирована в единую волосовскую культуру Волго-Окского междуречья.

Пришедшая группа использовала высокие острова для зимних поселений, а как летнее оборудовала жилую площадку на самой кромке берега. Площадка использовалась как летнее (сезонное) стойбище на протяжении всего времени существования волосовской культуры – около тысячи лет. На площадке существовали мастерские, где массово изготавливались заготовки рубящих орудий – здешний кремень был наиболее удобен для них.

Местный равномерно-зернистый кремень оказался идеальным сырьем для рубящих орудий. Внутренние части крупных желваков состоят из мелкоструктурного кремня, дающего гладкий скол, наружные слои, а также тонкие желваки дают зернистый кремень. Кремень других месторождений встречается среди орудий, но не дебитаж. Такая же однородность каменного сырья характерна и для других волосовских памятников (для каждого района своя).

Коллекция включает около 30 тыс. отщепов и чешуек (взят кремень не весь – эталонные навески дебитаж из мастерских, средние и крупные отщепы), 3 тыс. заготовок, более тысячи морфологически выраженных орудий, сотни кремневых ретушеров,

отбойников, осколков шлифовальных плит. Такая база позволила проследить специфику обработки камня, а также варианты типов орудий и их функции¹.

Первичная обработка кремня началась вне поселения. Выходы такого кремня можно ожидать по оврагам, прорезающим террасы р. Клязьмы в 12–15 км севернее. Он залегает в белой глине. На поселение приносили опробованные на месте желваки. Нуклеусов в неолите нет – отщепы получались обивкой через край при изготовлении двусторонне оббитых заготовок. Пластинчатые сколы возникали как результат параллельного скалывания (рис. 1: 1). На 30 тыс. отщепов и орудий к пластинам с большой натяжкой можно отнести 15, но это только случайные вариации отщепов. Обивка через ребро велась кварцитовыми и кремневыми отбойниками, площадки не подготавливались, соответственно отсутствуют технологические сколы. Ударные бугорки массивные, занимают половину брюшка. Удлиненных плоских отщепов таким методом получить не удается, но первичная обивка заготовок велась именно таким методом. Заготовки рубящих одних и тех же типов получались как при двусторонней обивке желвака (рис.1: 8–10, 14), так и при обивке крупных первичных отщепов. Сложился устойчивый прием изготовления острообушковых тесел из асимметричных отщепов: короткий бок отщепа был почти готовым

желобчатым лезвием, а скошенное основание и ударная площадка спрямлялись грубой краевой обивкой. При изготовлении крупных трапециевидных скребков брался симметричный трапециевидный отщеп. Первичный контур получался точно таким же обрубанием основания.

Ретушеры кремневые определяются по полюсам давления на противоположных концах. Они могли использоваться в рычаговом станке. Костяных и роговых ретушеров нет. Тонкие стержни, принимаемые за ретушеры, таковыми не являются – их концы не имеют следов деформации. На соседнем поселении найдены 5 роговых ретушеров в виде толстых и коротких стержней с разбитыми концами. Судя по охватываемому желобку, ими работали как молотком на рукоятке. Но значительная часть сколов и фасетки на законченных орудиях показывают иной тип ретушеров. Ударные бугорки не выражены, ударная площадка карнизом нависает над проксимальным концом и нередко шире его. Посредник (ретушер) захватывал значительную часть кромки заготовки. Такая форма точки отделения скола показывает, что удара не было, было упругое и мощное давление, не дающее лишних трещин, и рабочий край готового орудия получается без трещин и не требует снятия ребер между негативами бугорков. Это может быть результатом применения ретушировочного рычагового станка с посредником из твердого дерева. Компактность и насыщенность пятен рабочих точек тоже указывает на применение на поселении стационарных станков для ретуши.

На наличие станкового оборудования указывает и техника шлифовки.

¹ Автор не питает большого пиетета к трасологическому методу определения функций орудия, особенно когда орудие изношено сильно. Заполированность, повреждения рабочих кромок, подправка и ремонт видны и без увеличения.

Если льяловские тесла шлифовали круговым движением на крупных и массивных кварцитовых плитах, то волосовские плиты невелики и тонки. Стертость плоских поверхностей гораздо слабее, чем узких продольных торцов. Ими работали как рубанком по закрепленной в станке неподвижной заготовке. Такие «шлифовальные рубанки» (рис. 12) бывают как двухручные, так и одноручные с обработанной пикетажем стороной, противоположной абразивному торцу. Шлифовка на плоскости тоже применялась, но не была основным приемом. Торцовый износ и небольшая массивность плит обычны для всех волосовских поселений.

По-видимому, основная продукция мастерских Маслово Болота 4 – заготовки рубящих орудий, а не готовые изделия. Они доделывались в другом месте (плит тут не так уж много). К тому же, если обивка давала брак, который и попадает в коллекцию, то изделия, дошедшие до стадии шлифовки, уходили с поселения. Около 35 заготовок несут следы минимальной пробной шлифовки плоских сторон (рис. 2: 6), у двух полностью шлифована одна из плоскостей, когда к другой еще не приступали. Переоформление поврежденного и затупленного рубящего орудия начиналось с ретуши, и к шлифовке приступали только после удаления массивных выступов (рис. 3: 2, 13). Немногие острообушковые тесла, уже бывшие в работе, полностью сформированы ретушью и имеют минимальную обработку лезвий (рис. 2: 7–9).

Абразивная обработка применялась не только к камню. Плитки из рыхлого песчаника пригодны для обработки органических материалов –

их поверхность осыпается, не успев засалиться, и не требует дополнительной обработки. Довольно много оказалось шлифовальников в виде плоской лепешки с краями, обработанными пикетажем. Они удобны для захвата рукой при полировке крупных деревянных изделий.

Самая массовая категория орудий, как обычно на неолитических стоянках – скребки. На всех волосовских памятниках обязательно присутствует специфичный тип трапецевидных скребков, всюду представленный самой многочисленной серией – это своего рода визитная карточка волосовской техники (рис. 4: 1–15, 18–22). Их слабоизогнутые лезвия оставались острыми, несмотря на многочисленные подправки – иногда они заполированы в работе до блеска и сработаны подправкой до ударного бугорка и при этом лезвия остаются без нависающих карнизов. Отрывающая ретушь это позволяла. Боковые стороны отщепы ретушированы не всегда, но столь же тщательно, как и рабочие. Рабочее лезвие может иметь округленные углы, а может, острые (именно такую форму И.К. Цветкова называла резчиками, считая острые углы при стыке с боками главным рабочим признаком). Лезвия могут быть зубчатыми, при этом зубчатость делалась острым кремневым ретушером. Она видна у 30–40 % скребков этого типа. Но зубчатость быстро изнашивается, хотя весьма эффективна в работе по дереву. Довольно много (до 20%) среди них скребков со шлифованным лезвием. Изредка встречается шлифовка со стороны брюшка и в этом случае лезвие скребка оказывается тождественным лезвию тесла. Шлифовка встречается также на скребках с носи-

ком, который бывает выражен на рабочем лезвии тех же трапециевидных скребков (бывают и с двумя рядом расположенными носиками) (рис. 4: 3, 36, 41, 45). Очень редко шлифуется лезвие концевых скребков, которые отличаются от трапециевидных только длиной (но это переменная величина и меняется в процессе работы). Трапециевидные скребки часто имеют подтеску на брюшке – снимается ударный бугорок с подправкой для крепления в сменной рукоятке. Среди специфических волосовских скребков – массивные овальные с боками, обработанными отвесными сколами и округлым крутым рабочим концом (рис. 4: 35, 37). Их правильнее определять как скребла. Оформление их такое же, что у заготовок рубящих.

Очень мало оказалось скребков с округлым рабочим краем без каких-либо выступов (рис. 4: 28, 32, 46). Именно эти единичные скребки могут рассматриваться как кожевальные. Не много и аморфных с нависающей кромкой, которая возникает при работе по твердому материалу (кость) без регулярной подправки. Совершенно не характерными для волосовской техники оказались самые распространенные в льяловской культуре короткие многосторонние с переменным положением рабочего лезвия (рис. 4: 30, 42).

Обязательно для волосовских коллекций присутствие ножей с пологой ретушью из плоских отщепов (рис. 5). Обычно сочетание на одном орудии нескольких лезвий – вогнутых, прямых, реже выпуклых. Той же формы и функции ножи из тонких отщепов с мелкой и нерегулярной ретушью, не приобретших стандартных очертаний – они еще не проходили переоформляющую подправку плоской ретушью.

Если отщеп был массивен и использование длительным, ретушь становилась высокой, заходящей на спинку (рис. 5: 1; 6: 11, 12). Ножи сложной формы обычно имеют довольно крутую ретушь, которая и создает их нестандартную форму (рис. 5: 7, 8; 6: 3–5, 9, 10). Похоже, что их готовили для какой-то сложной работы. Лезвие, пригодное для резания и скобления, занимает небольшую часть периметра. Нет уверенности в утилитарном характере этих изделий. Особая форма – ложкари (рис. 6: 1, 11, 17, 26). Это скребки с узким округлым концевым лезвием, переходящим в типичные ножевые лезвия на продольных сторонах отщепа. Они встречаются и в поздних льяловских комплексах.

Струги – тоже не специфически волосовская вещь. Это ножи с двумя, реже одним прямым или выпуклым лезвием с высокой ретушью, заходящей на спинку. Их характерная черта – подтеска торца с брюшка, возможно, для крепления в рукояти одновременно двумя концами (рис. 4: 42). Встречаются регулярно, но не многочисленны.

Резцы относительно малочисленны (рис. 9: 34–40). Но они делались из крупных плоских отщепов и их обломков, довольно часто – из обломков копий. Делались резцы из обломков ножей, стругов, редко – из скребков. Использование обломков орудий – это не комбинирование, а утилизация. Обычно они крупнее льяловских, с длинным резцовым снятием. Аморфные и нуклеидные встречаются не часто и в этом тоже их отличие от льяловских. Большинство их срединные с расходящимися от одного ребра сколами, немного уступают по коли-

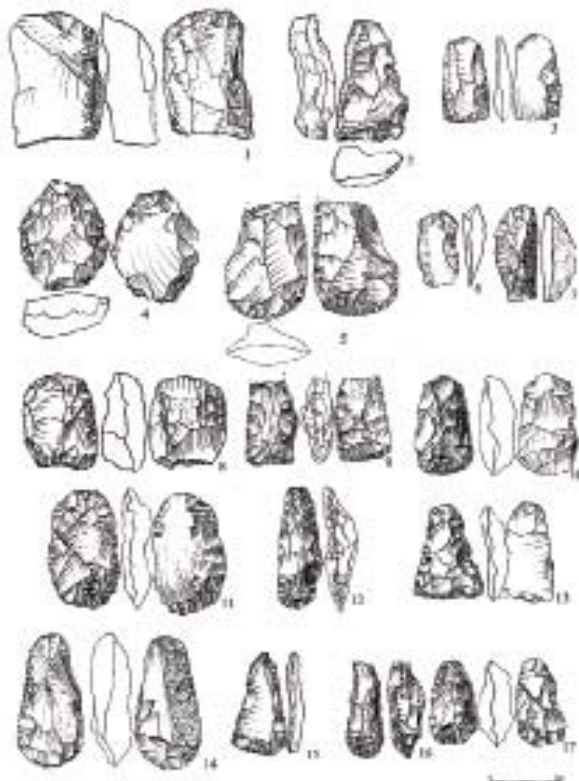

Рис. 1. Заготовки тесел.

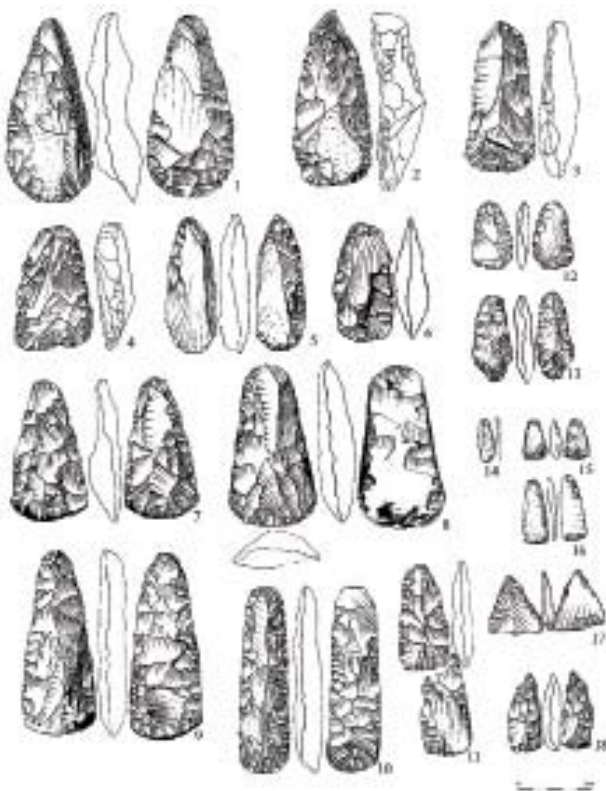

Рис. 2. Заготовки тесел (1–5), заготовки долот (10–12), тесла с начатой шлифовкой (6–9, 13), стамески (14–18).

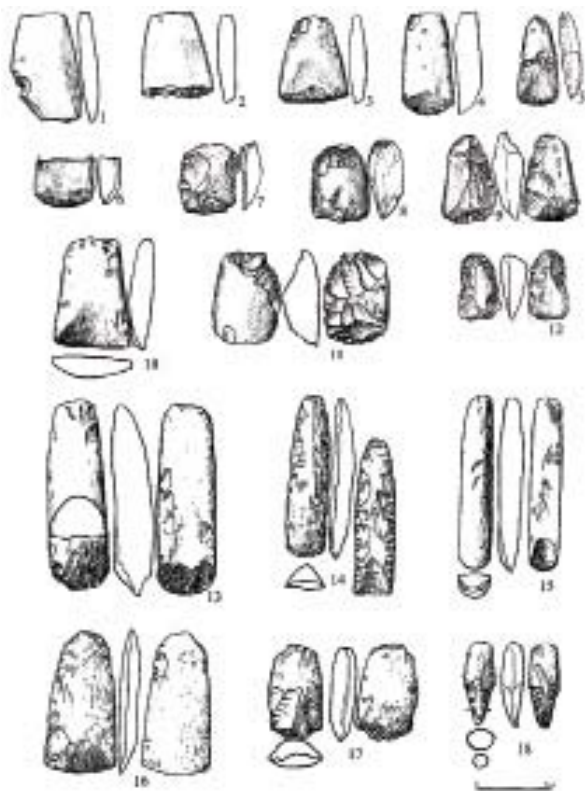

Рис. 3. Тесла и долота шлифованные.

Рис. 4. Скрепки.

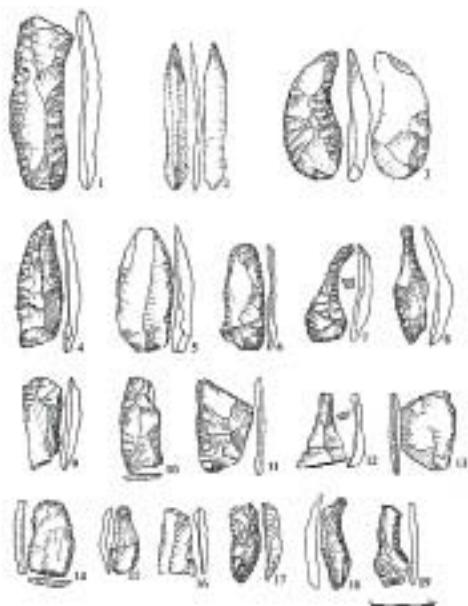

Рис. 5. Ножи из пластинчатых отщепов, фигурные ножи.

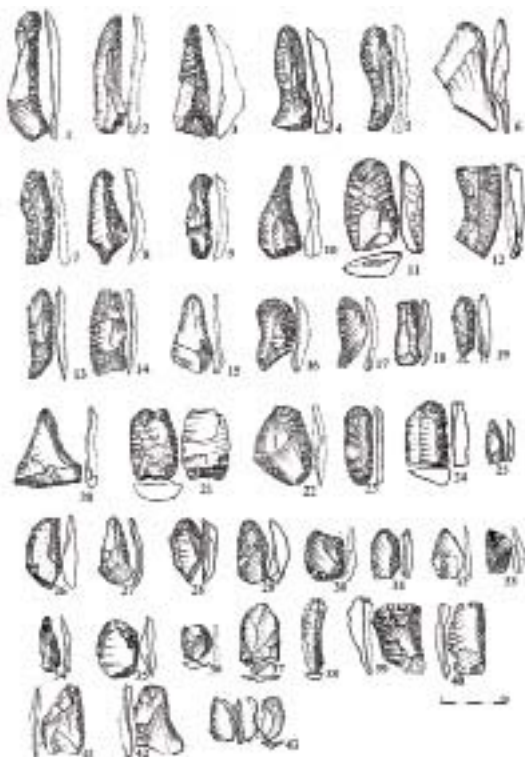

Рис. 6. Ножи и ложки из отщепов.

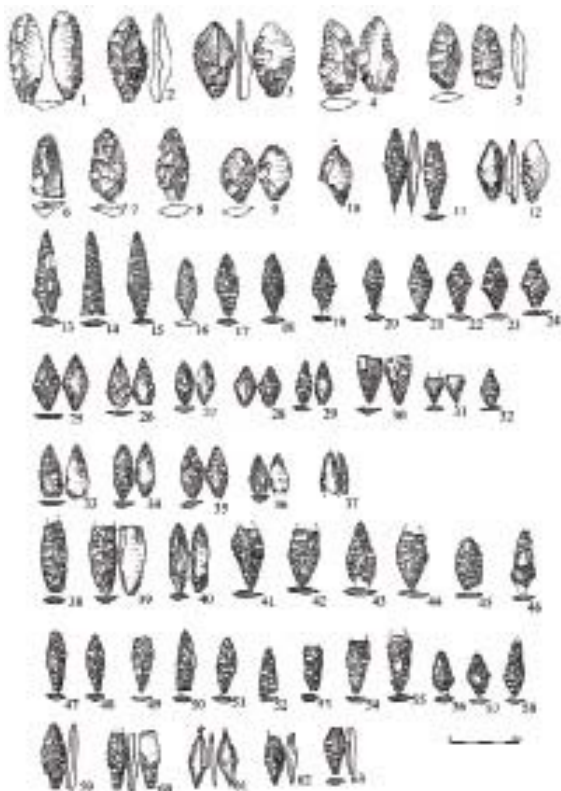

Рис. 7. Наконечники стрел и заготовки.

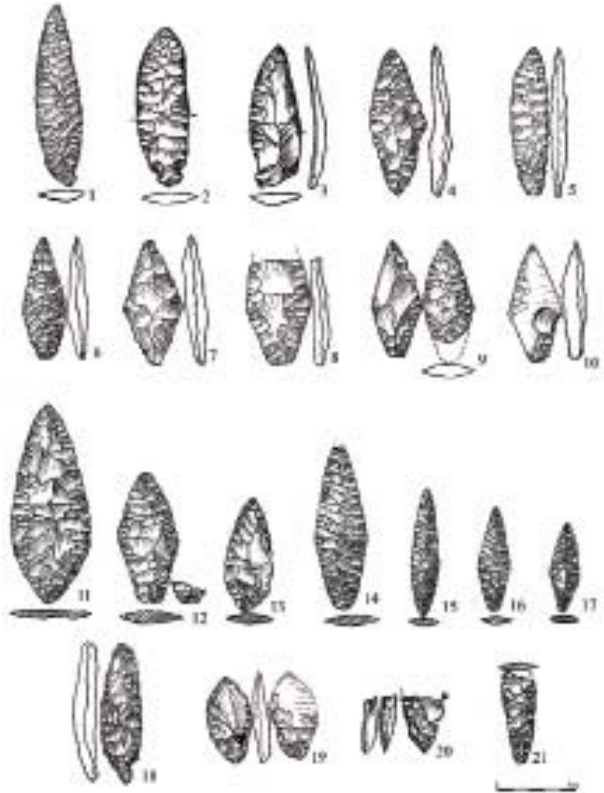

Рис. 8. Кинжалы (1–3, 5, 18), наконечники дротиков (4, 6–14, 19), наконечник копья (5), наконечники стрел 15–17, 21, резец из обломка копья (20).

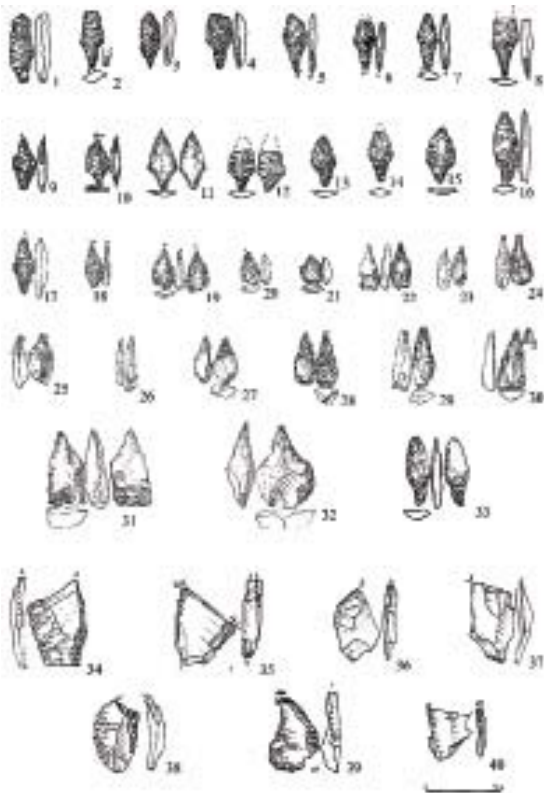

Рис. 9. Наконечники стрел, сработанные как сверла (1–18), сверла (19–33), резцы (34–40).

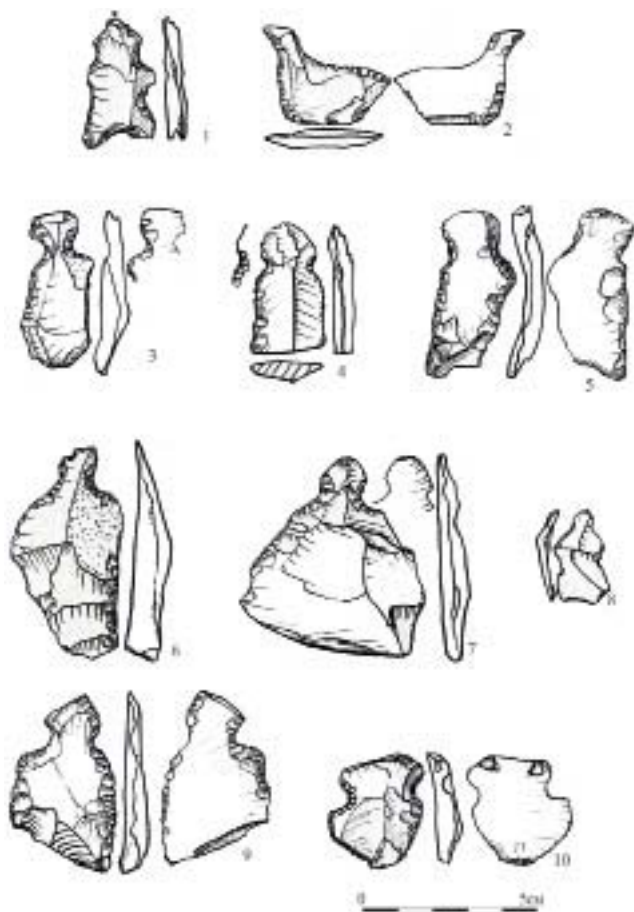

Рис. 10. Фигурные кремни (1, 2), отщепы с выделенной головкой (3–10).

Рис. 11. Клевец или кинжал 17,2 см.

Рис. 12. Торцовые шлифовальные плиты.

честву угловые, со сколом от поперечного излома.

Резцовый скол регулярно применялся для оформления жальца сверл. Обилие сверл – тоже один из основных признаков волосовской техники, который наблюдается на валдайских стоянках с раннего неолита. Классическое волосовское сверло имеет расширенную рукояточную часть, нередко оформленную по контуру краевой ретушью, и плоскими сколами, снимающими утолщение (рис. 9: 24). Стандарта в размерах рукоятки не заметно. Более стандартны жальца, выделенные плечиками и обработанные как плоской, так и отвесной поперечной ретушью, часто освеженной резцовыми сколами от острия сверла. Сверла бывают двух калибров – около 1 см и около 0,5 см. Несмотря на освежающую подправку, хорошо заметна сильная стертость лезвий и острия в работе. Очень многие наконечники стрел и дротиков, а также их заготовки оказались переоформлены в плечиковые сверла. Но для волосовской культуры характерно их ситуационное использование

Кроме плечиковых, есть и иные типы сверл, но они не столь специфичны (рис. 9: 19–33), хотя по количеству их не меньше, чем сверл с вытянутым жальцем и плечиками. Это орудия из отщепов, у которых приспособлен для работы подходящий выступ. Он может быть подправлен краевой ретушью, может использоваться и без подправки. Встречаются сверла, у которых небольшое жальце формировалось в результате подправки тонкого края отщепа в процессе работы. Такие орудия есть и в иных культурах. Проколки отличаются тонким жальцем,

сформированным из относительно тонких отщепов краевой ретушью.

Рубящие орудия разнотипны, и все типы их сосуществуют (рис. 3). Различия их определялись функциональной спецификой. Многие подвергались ремонту, у расколотых поперек формировался новый обушок, те, что утратили угол, превращались в узкие долота. Пропорции в плане – категория переменная, они менялись по мере срабатывания. Более устойчивы пропорции и сечения рубящих орудий. Целые тесла обычно сильно затуплены, они подправлялись ретушью. Но осколки лезвий показывают, что в рабочем состоянии это были хорошо заточенные орудия.

Перечислим эти типы. Массивные горбатые тесла желобчатые с почти полной шлифовкой, включая тупой обушок (рис. 3: 4, 13). Желобок проточен шлифовкой, заметно уже лезвия, в результате к желобку примыкают поля, совпадающие с плоскостью брюшка. Заточка велась наискось, срезая и поля, и желобок, который с каждой заточкой укорачивался. Тесла острообушковые с широким желобком. Именно он формировался из естественного изгиба отщепа, но есть и сформированные бифациально, плоскими длинными сколами (рис. 2: 3, 5, 10, 12). Для этих орудий полная шлифовка не обязательна. Желобчатые долота – толщина их не намного меньше ширины. Желобок формировался ретушью и подправлен протачиванием. Плоские тесла с минимальным изгибом лезвия, иногда прямым. Очень напоминают фатьяновские клиновидные топоры с линзовидным сечением, но заточка у них односторонняя (рис. 3: 1, 16). Шлифовка полная, включая прямо срезанный обушок.

Размеры рубящих – функционально очень существенный признак. На нашем памятнике преобладали мелкие орудия в среднем 5–6 см длиной. Но и целые ненамного больше. Законченное тесло обычно составляло 10–12 см, но волосовская техника позволяла делать и рубящие орудия до 20–22 см длиной.

Стамески – условная группа. В нее входят плоские изделия, по форме совпадающие с рубящими острообушковыми, чаще всего сделанные из тонких отщепов с минимальной заточкой лезвия, а иногда только с ретушью. Есть стамески из отщепов, у которых обработано шлифовкой только лезвие, остальное дает естественная форма отщепа (рис. 2: 12–18; 3: 18).

Почти все орудия кремневые. Только два сланцевых из подходящей формы гальки с минимальной шлифовкой лезвия. Небольшая серия – орудия из опоки, хорошо шлифованные. Формы их – те же самые, что у кремневых. Но они связаны только с верхним слоем, который оставила маленькая стоянка с «лапчатой» керамикой верхнеднепровской культуры. Шесть из них составляют клад, который сопровождал коллективное погребение в этом слое.

К рубящим могут относиться массивные валиковые клинья, диоритовые и сланцевые, тщательно шлифованные. Они овальные, почти круглые в сечении с симметричным хорошо заточенным острым лезвием без забитости его. На тупом обушке нет следов жестких ударов, но бить по нему могли и деревянной колотушкой. Предполагаю, что это орудия для откалывания досок-горбылей, широко применявшихся волосовцами при строительстве. Здесь были найдены

настилы, выложенные из горбылей длиной до 2,2 м при ширине 18 см.

Оружие – наконечники стрел, дротиков, копий, кинжалы, клевцы, серповидные ножи. Наконечники стрел (рис. 7, 8) не отличаются от льяловских, за исключением редких форм, которые нельзя признать и за волосовские. По технике обработки они образуют две группы. Большинство довольно грубы, многие не имеют полной ретуши с брюшка, а иногда и на спинке: сочетание длинных фасеток с краевыми. Формы листовидные узкие и ромбические, далеко не всегда их можно различить, и при переделке они могли переходить одна в другую. Размеры – от миниатюрных длиной менее 1,5 см, до средних – 5 см. Фасетки кладутся перпендикулярно линии краев, диагональная струйчатая ретушь в волосовской технике не используется. У этой группы нередки фасетки с ямками от ударных бугорков, то есть тут применялся жесткий ретушер.

Вторая группа, составляет около 20% – наконечники, выполненные мягким ретушером без образования ямок от бугорка (рис. 8: 14–17). Такая обработка не требует слоя мелкой ретуши. Отличается и по форме, и по размеру. Здесь почти нет ромбических наконечников, листовидные более тонки и узки. В эту же группу входят псевдоромбические с длинным листовидным пером и коротким треугольным насадом. В некоторых случаях наконечник ставился перевернуто – треугольным острием вперед. Длина наконечников такого типа достигает 8 см, хотя обычно они не намного длиннее грубых. Тонкие наконечники составили погребальный комплекс, входят в состав кладов и именно эти

определяют лицо волосовских стрел, хотя их меньше, чем массивных.

Редкие формы – треугольные, с параллельными краями, с выступающими шипами, пильчатые, не образуют серий ни на одном волосовском памятнике и их можно рассматривать как импорты.

Дротики отличаются от крупных наконечников стрел большей массивностью. Они в 3–4 раза тяжелее стрел. Форма преимущественно листовидная, у ромбических более подчеркнут переход к черешку, что характерно и для копий (рис. 8: 7–12). Наконечники копий обрабатывались тонкими и плоскими фасетками мягким ретушером, не оставляющим негативов ударных бугорков с минимальной подправкой. Фасетки лежат перпендикулярно кромке, широкие, одинаковы с обеих сторон (у стрел и дротиков качество обработки несколько различается на разных фазах). Встречается прием специального затупливания абразивной обработкой лезвий насада, но этот прием известен и в поздних льяловских комплексах. Таким способом можно было предотвратить повреждение ременной оплетки в месте прикрепления наконечника. Формы листовидные относительно широкие (позднее льяловские листовидные узкие), треугольно-черешковые, близкие к ромбическим, но часто встречается и длинный прямо срезанный черешок с параллельными краями. Бывают редкие формы, но на Маслово Болоте есть только стандартные.

Небольшая группа копий и дротиков (все из сиреневого кремня) сделана из очень крупных плоских отщепов с неполной, но крупной и пологой ретушью, с сохранением участков без вторичной обработки. Стратиграфи-

ческое положение позволяет связывать эти наконечники с комплексом с лапчатой керамикой. На территории верхнеднепровской культуры тоже находят такие не полно обработанные, но вполне законченные копия. Качество заготовки ее и не требовало.

Кинжалы в волосовском вооружении преимущественно костяные. Кремневые немногочисленны. Любой наконечник копья мог быть использован как кинжал. В эту группу выделены только те, у которых имеются специальные детали для крепления – выделенные ретушированными выемками «пуговики» (рис. 8: 1–3, 5). Один такой наконечник с пуговкой на насаде найден в погребении на поясе. Двусторонне обработанные ножи с пуговкой есть и на нашем летнем поселении.

Но имеется небольшая серия орудий с резко выраженной асимметрией: один край слабо выступающая дуга, другой – горбом со смещением к концу, который можно считать боевым. Обработка такая же, как на наконечниках копий. Два таких изделия длиной 17 и 21 см найдены у подножия берега (рис. 11). Узкий конец вполне мог крепиться в расщеп. Асимметричные двусторонне обработанные острия могут быть истолкованы как клевцы, лезвия томагавков. Двусторонняя плоская обработка применялась только к оружию. Подобные изделия встречаются в неолите Валдая и на предыдущих этапах (Гадомля 9 на оз. Наволок), известны они в составе памятников со смешанным слоем (Мышецкая). В льяловской культуре тоже существовали клевцы, но совершенно иного типа – это сланцевые шлифованные сверленные так называемые «мотыги», которые встречаются в единичных экземплярах на десятках

ляловских стоянок. Качество обработки, наличие знаков говорит, что это именно оружие. Вероятно, волосовцы имели оружие аналогичного действия.

Весьма загадочная категория – «серповидные ножи». Их техника обработки такая же, как у наконечников стрел с тонкой ретушью. Встречены они пока только в тех комплексах, которые содержат также верхнеднепровскую керамику. И.К. Цветкова (1970) истолковывала их как серпы с намеком на возможность зародыша земледелия – «специализированного собирательства». Но кремневый серп безошибочно определяется по характеру заполировки, а на этих орудиях она отсутствует. Очень слабая и совершенно не связанная с работой в качестве серпа заполированность касается острия и выпуклой стороны лезвия и никогда – вогнутой. Эти изделия по размерам близки дротикам, имеют двухстороннюю плоскую обработку и линзовидное сечение. Обломок острия такого орудия не отличается от наконечников, насад закруглен, и не отличается от насада дротиков. Такая обработка бывает только у оружия. Изгиб составляет от 120 до 90°.

Кремневая техника касается не только утилитарных предметов. Так, спорным орудием является нуклевидный резец. Что-либо резать им невозможно, только процарапывать его углами и выступами довольно широкую борозду. Но на костяных изделиях нет следов подобной работы. Нередко такие изделия трактуются как остаточные нуклеусы. Но если под нуклеусом понимать остаток от снятия вполне полезных сколов для дальнейшей утилизации, то сколы с нуклевидных резцов таковыми быть

не могли. И многие из сколов не создавали новых углов для использования, только тупили их, раскрашивая все новыми попытками параллельных снятий. В волосовских материалах практически нет этой категории, которая появляется в финале мезолита и доживает до конца ляловского времени. Но тут имеется другая группа – куски с направленной поперечной обивкой, которая не вела к получению практически полезных сколов и орудий, но придавала куску определенную форму. В одном случае это явно полулунная форма. В другом – дисковидная, но чаще – аморфная, результат десятков направленных ударов. Создается впечатление, что, как и на нуклевидных кусках, люди просто ставили опыт – что еще можно сколоть с данного куска.

Не менее загадочна еще одна категория – «отщепы с пуговкой», которые есть во всех волосовских комплексах (рис. 10: 3–10). У любого плоского отщепа или осколка орудия ретушью бывала выделена головка, чаще на ударном бугорке. Периметр отщепа может иметь следы использования, ретушь утилизации, фрагментарно – лезвия орудий. Сам прием формирования «пуговок» в культурах волосовской традиции существует и касается некоторых готовых орудий (как описанного выше кинжала). Он фиксируется на Валдае с финала мезолита (Курово 4, см.: Сидоров, 1996), регулярно отмечается на стоянках с мешанным комплексом. «Отщепы с пуговкой» – обычная деталь валдайских комплексов. Вероятно, они связаны не с утилитарными действиями, а с ритуализированными действиями по отношению к кремню.

Такая головка-пуговка ничем не отличается от головок кремневых фигурок. Они есть не только у антропоморфных, но и абстрактных – геометрических – лунниц в виде рыбьего хвоста. Фигурные кремни по технике изготовления распадаются на две группы. Большинство составляют изготовленные краевой крутой ретушью по контуру, иногда минимальной, вносящей лишь коррективы в форму отщепы. Такая минимизация обработки ведет к тому, что нередко за фигурные кремни бывают приняты случайные вещи, в том числе орудия, их обломки, которые исследователю показались на что-то похожи. Но поскольку ритуальное изображение – это знак, а не свободное художественное творчество, то он должен однозначно читаться при любом качестве исполнения. Можно заметить, что в качестве фигурных кремней никогда не используются осколки и естественные камни с дополнительной обработкой – только отщепы. Сланцевыми бывают только подвески и штампы, но не фигурки. Изготовление их, также как отщепов с пуговкой, каким-то образом было связано именно с ритуализацией обработки кремня.

Небольшая серия фигурок (но наиболее яркая) сделана двусторонней обработкой, аналогичной обработке бифасов (оружия). По составу образов она не отличается от фигурок из отщепов.

Волосовская каменная техника формировалась на сырьевой базе селигерского черного и старицкого кремневого кремня высокого качества,

встречающегося крупными конкрециями. В этом регионе мастерские по обработке кремня появляются в мезолите и функционируют тысячелетия. Их пласты накапливались в пойменных отложениях при устьях ручьев, прорезавших содержащие кремний известняки. Четкая стратифицированность таких мастерских позволяет организовать исследование формирования технологических традиций. К настоящему времени определено раннее, в начале голоцена появление острообушковых тесел с широким желобком, которые продолжают использоваться в волосовское время. Типологические ряды других волосовских типов, в том числе кремневых фигурок, тоже начинаются в мезолите Валдая.

Каменная техника – это только небольшая часть материального окружения человека, но нам приходится судить о не сохранившейся части, реконструировать целостный этнографический облик на такой скудной основе. Отсутствующие знания о деревянных изделиях, представленных в лучшем случае единицами, случайно сохранившимися, приходится восполнять знанием об инструменте их изготовления. Волосовская каменная техника продемонстрировала разработанность инструментария, узкую специализацию отдельных типов, что позволяет догадываться о сложности состава деревянных изделий. Наиболее сложным и требующим разнообразия инструментов была лодка, которая и определяла основные особенности быта и труда специализированных озерных рыболовов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондратьев С.А. Культура ямочно-гребенчатой керамики Среднего Поволжья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2011.

2. *Крайнов Д.А.* Волосовская культура // Археология СССР. Энеолит. – М.: Наука, 1989.
3. *Микляев А.М.* Каменный-железный век в междуречье Западной Двины и Ловати. – СПб., 1992. – С. 10–28.
4. *Никитин В.В.* Каменный век Марийского Поволжья. (Тр. МАЭ. Т. IV). – Йошкар-Ола, 1996.
5. *Сидоров В.В., Энговатова А.В.* Протоволосовский этап или культура? // Тверской археологический сборник. Вып. 2. – Тверь, 1996.
6. *Сидоров В.В.* Мезолит бассейна р. Съежи // Тверской археологический сборник. Вып. 2. – Тверь, 1996.
7. *Третьяков В.П.* Волосовские племена в Европейской части СССР в III–II тыс. до н.э. – Л.: Наука, 1990.
8. *Цветкова И.К.* Волосовская стоянка // Тр. ГИМ. Вып. 68. Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. – М., 1988.
9. *Цветкова И.К.* Волосовские неолитические племена // Тр. ГИМ. Вып. 22. – М., 1953.
10. *Цветкова И.К.* Рязанская культура // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. – М. 1970.
11. *Фоломеев Б.А.* К вопросу о памятниках «дубровичского типа» в бассейне Средней Оки // КСИА. – 1975. – Вып. 141.

Информация об авторе:

Сидоров Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); gav-lupus@rambler.ru

SPECIFICITY OF STONE TECHNOLOGY VOLOSOVO CULTURE

V.V. Sidorov

The results of a study of the Volosovo culture Maslovo Boloto 4 (3rd millennium BC) summer settlement site, located on the peatbog near the Klyazma river and excavated in 1972–1982 are presented. The monocultural character of the site has provided an opportunity to determine the specificity of the Volosovo culture stone technique as compared with both the synchronous Lyalovo culture and the preceding Neolithic ones. For centuries, on the Maslovo Boloto 4 site there had existed workshops producing chopping tools. The manufacturing process had been based upon nodules of local flint as raw material. The process implied the use of flint retouchers, being completed with wooden intermediate tools. The variety of types is associated with tool specialization. The following shapes are typical for the Volosovo culture: trapezoidal end-scrapers with a sharp blade (with grinding or denticulation); knives made from flat flakes with gentle retouch; drills with caught up working end, often chipped with end-scrapers. As drills, arrowheads had often been used. The majority of end-scrapers were used to make boats. Arrow- and spearheads do not differ much from the Neolithic ones, but among them products of fine workmanship are also met. There are products (e.g. “flakes with a button”, shaped flints), which might have had ritual significance. Basic differences between the Volosovo culture stone technique and the Neolithic one are related to the working tools and technologies.

Keywords: archaeology, the Volga-Oka interfluvies area, the Eneolithic, the Volosovo culture, flint processing, stone tools.

REFERENCES

1. Kondrat'ev, S. A. 2011. *Kul'tura iamochno-grebenchatoi keramiki Srednego Povolzh'ia (Dotted-and-Combed Ware Culture in the Middle Volga Area)*. PhD Thesis. Izhevsk (in Russian).
2. Krainov, D. A. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (ed.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Series: Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: "Nauka" Publ., 10-28 (in Russian).
3. Mikliaev, A. M. 1992. *Kamennyi-zheleznyi vek v mezhdurech'e Zapadnoi Dviny i Lovati (Stone and Iron Ages in the Western Dvina and Lovat Interfluve Area)*. Doct. Diss. Saint Petersburg (in Russian).
4. Nikitin, V. V. 1996. *Kamennyi vek Mariiskogo Povolzh'ia (Stone Age of the Mari Volga Region)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) IV. Yoshkar-Ola (in Russian).
5. Sidorov, V. V., Engovatova, A. V. 1996. In *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection) 2*. Tver: Tver Regional Museum of Local Studies, 164-182 (in Russian).
6. Sidorov, V. V. 1996. In *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection) 2*. Tver: Tver State United Museum, 75-92 (in Russian).
7. Tret'iakov, V. P. 1990. *Volosovskie plemena v Evropeiskoi chasti SSSR v III—II tysyacheletiiakh do n. e. (Volosovo Tribes in the European Part of USSR in the 3rd – 2nd Millennia BC)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
8. Tsvetkova, I. K. 1988. In Studzitskaia, S. V. (ed.). *Nasledie V. A. Gorodtsova i problemy sovremennoi arkheologii (V. A. Gorodtsov's Legacy and Issues of the Present-Day Archaeology)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 68. Moscow, 86-100 (in Russian).
9. Tsvetkova, I. K. 1953. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 22*. Moscow, 19-52 (in Russian).
10. Tsvetkova, I. K. 1970. In *Okskii bassein v epokhu kamnia i bronzy (Oka River Basin in the Stone and Bronze Ages)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 44. Moscow: "Sovetskaia Rossiia" Publ., 94-153 (in Russian).
11. Folomeev, B. A. 1975. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 141*, 33-41 (in Russian).

About the Author:

Sidorov Vladimir V. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation. gav-lupus@rambler.ru